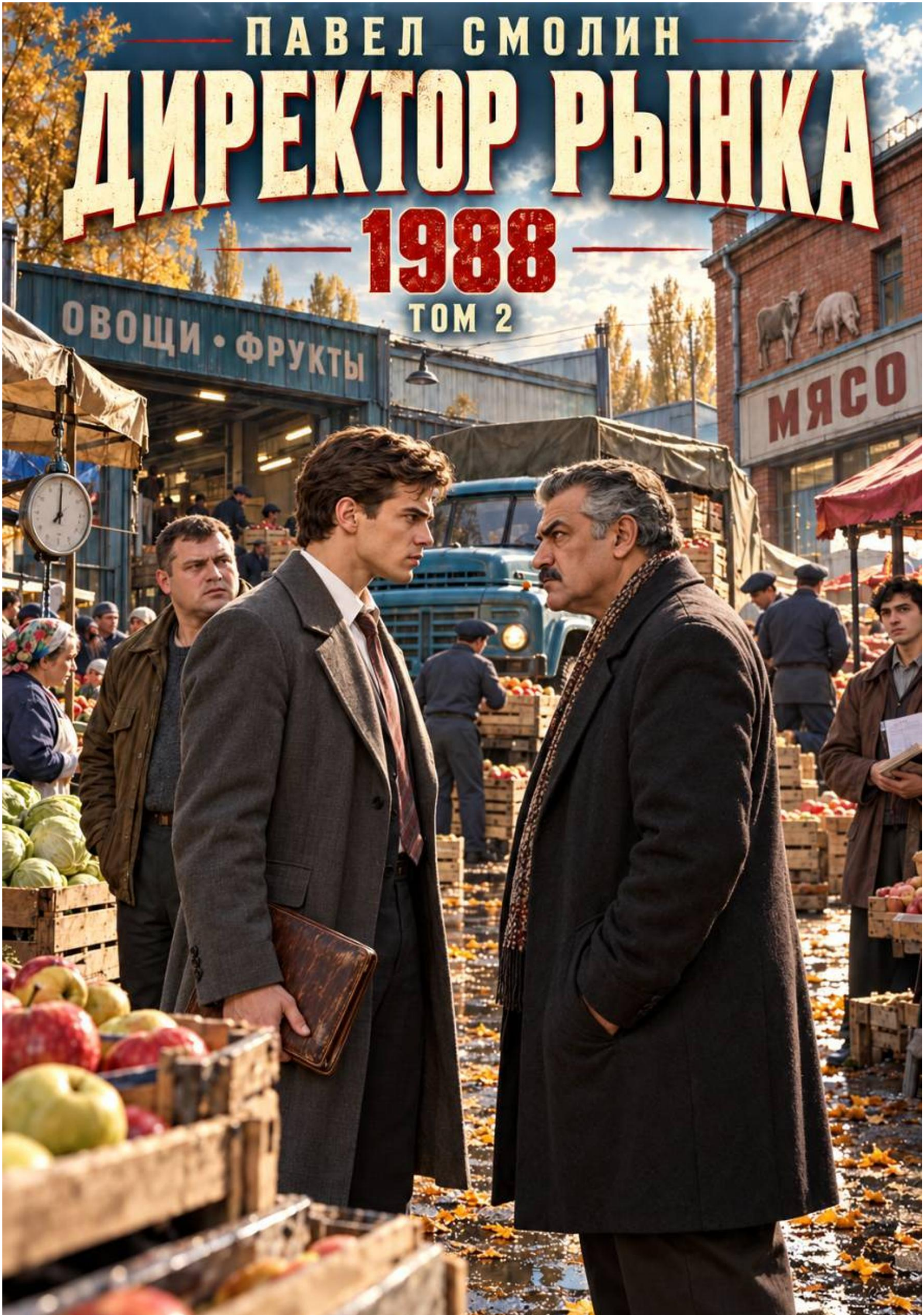

ПАВЕЛ СМОЛИН
ДИРЕКТОР РЫНКА
1988
ТОМ 2
ОВОЩИ • ФРУКТЫ
МЯСО

Павел Смолин

Директор рынка 1988. Том 2.

«Автор»
2026

Смолин П.

Директор рынка 1988. Том 2. / П. Смолин — «Автор», 2026

СССР, 1988 год. На своём рынке Алексей Воронцов навёл порядок: машины разгружаются вовремя, товар не гниёт, деньги доходят до кассы. Казалось бы, работай и радуйся. Но рядом есть другой рынок.Там холодильник мёртв, директор ничего не решает, а ключи от складов надёжнее любых приказов. Всем распоряжается Армен Акопян, привыкший помогать своим — за государственный счёт.Воронцов не собирался воевать с соседями. Просто понадобилось забрать застрявшую машину. Потом разобраться с поставками. Потом выяснить, куда исчезает товар.Теперь торговцы ищут защиты, начальство требует объяснений, а чужие грузчики готовят встречу без протокола.Профессиональная болезнь директора: увидев бардак, он уже не может пройти мимо.

© Смолин П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Павел Смолин
Директор рынка 1988. Том 2.

Глава 1

— А мне уже нет, — сказал я.

Гена выжал сцепление. Наша машина дёрнулась, пропустила грузовик, выбиравшийся с чужого рынка задом, и только потом вклинилась в поток.

Водитель грузовика высунулся из кабины. За ним бежал мужик в распахнутом ватнике и орал, чтобы тот остановился. У ворот второй грузовик перегородил проезд. На его борту сидели двое грузчиков, закуривали от одной спички.

— Ты только посмотри, — сказал я.

— Смотрю. На дорогу.

— Первый задом выходит, второй поперёк стоит. Те курят.

— Имеют право. Обед.

— У них обед с семи утра.

— Хороший рынок. Умеют жить.

Гена переключился на третью передачу и потянулся к форточке. Из кабины выдуло въевшийся запах чужого двора: мокрые ящики, подгнивший лук, пролитую солярку. Но картинку выдуть не получилось.

Я продолжал видеть три машины у одних ворот. Пустую стену складского корпуса, вдоль которой спокойно вставали ещё две. Женщину с двумя корзинами, которую отогнали от крытого ряда. Директора Горелова, стоявшего рядом с Кареном Акопяном.

Женщина обращалась к директору. Отвечал Карен.

Горелов при этом кивал. Очень удобная должность: кивай вовремя, получай жалованье, доживай до пенсии.

— Вдоль склада можно сделать разгрузку, — произнёс я. — Под навесом.

— Можно.

— Тогда въезд освободится.

— Наверняка.

— Чего ты со всем соглашаешься?

— Чтобы быстрее закончили.

Я посмотрел на него. Гена даже не улыбнулся. Тридцать девять лет, половина из них за баранкой. Человек умел держать лицо перед гаишником, диспетчером, рассерженным начальником базы и мной. Со мной получалось хуже всего: я знал, когда он издевался.

— Там холодильник стоит, — сказал я.

— Видел.

— Не работает.

— Тоже видел.

— Они мясо через двор носят. В таком состоянии его только…

— Алексей Николаевич.

Гена произнёс отчество так, будто мы подъехали к посту ГАИ и в багажнике лежала незарегистрированная корова.

— Что?

— Наш холодильник работает?

— Работает.

— Наши грузчики разгружают?

— Разгружают.

— Документ, за которым приехали, взяли?

Он хлопнул ладонью по папке на сиденье.

Мы действительно заезжали за бумажкой. Всего-то. Поставщик оставил у соседнего завхоза копию нужной Гене ведомости на запчасти, и за эту копию город теперь рисковал получить небольшую хозяйственную войну.

— Взяли, — признал я.

— Вот и поедем домой. У вас, если не забыли, Нечаев курицу обещал.

Курица была веским доводом. Холодильник — более веским.

*

На моём рынке машина проехала от ворот до конторы без единой остановки.

Это было приятно. Даже подозрительно приятно после того, что мы только что увидели.

Батя Котов стоял у разгрузочной площадки с журналом под мышкой. Двое его грузчиков переносили ящики из кузова, третий катил тележку. Следующая машина ожидала у отметки, нанесённой на асфальт белой краской. Водитель спал, откинув голову. Если человек знает, что до его очереди двадцать минут, он может поспать. Когда не знает — бегает, орёт, суёт деньги и ставит машину так, чтобы никто больше не проехал.

Батя увидел меня, поднял ладонь.

Я кивнул и прошёл в контору.

— Людмила Сергеевна, сколько у нас машин с утра прошло?

— Здравствуйте, Алексей Николаевич.

— Здравствуйте. Сколько?

Людмила отложила ручку.

— По журналу въезда или с учётом машины горторга, которая заехала без отметки?

— Обоих посчитаем.

— Тогда двадцать три. У Бати к обеду уточнила.

Я посмотрел на настенные часы. Чуть больше трёх.

— А у них, наверное, сорок.

— У кого?

— У Горелова.

Людмила молча придвинула ко мне три бумаги.

На первой было заявление на место. На второй — служебная записка о протекающей крыше над молочным рядом. На третьей — список работ на ближайшие дни.

В списке моим почерком стояло: «Не откладывать».

— Ваша крыша, — сказала Людмила. — Ваша торговка. Ваш плотник, который обещал прийти сегодня и не пришёл. А товарищ Горелов, возможно, уже пьёт чай.

— Возможно, у него вообще всё хорошо.

— Тогда тем более пора работать.

Я взял заявление.

Через двадцать минут мне стало почти не до чужого рынка.

Женщина просила перенести её из открытого ряда под крышу. Место действительно освобождалось, но перед ней в журнале стоял ещё один человек. Этот человек торговал по субботам, жил в деревне, телефона не имел и о счастливом событии узнать не мог.

Людмила уже передала ему через Галку Картошку, но ответа пока не было.

— Дайте мне сейчас, — просила женщина. — Если приедет, я освобожу.

— Вы товар привезёте?

— Конечно.

— Прилавок займёте?

— А как же.

— Потом скажете, что вам торговать осталось два часа, а человек пусть завтра приходит.

Она поправила платок.

— Ну вы прямо всё наперёд знаете.

— Не всё. Вот про крышу до вашего прихода не знал.

Договорились: свободное место она получает на один торговый день, с записью, без перехода впереди очереди. Людмила записала. Женщина дважды переспросила, что будет завтра, и ушла умеренно недовольной.

Вошёл Юрок.

— Плотника привёз.

— Он где был?

— На другом конце города. У тёщи.

— Работал?

— Мылся.

Я откинулся на спинку кресла.

— Прекрасно. Теперь у нас есть чистый плотник. Пусть посмотрит крышу. Работы и материалы — письменно. Через Раису.

Юрок не ушёл.

— Что ещё?

— Вы на другой рынок ездили?

— Ездил.

— Один?

— С Геной.

Юрок посмотрел на меня без одобрения.

Крупный мужчина, спокойные глаза, руки свободно опущены вдоль тела. В штатном расписании у нас числилось хозяйство. В моей повседневной жизни это хозяйство следило, чтобы я больше не возвращался из-за гаражей с разбитой рожей.

— Юр, мы за бумажкой заезжали.

— Бумажка целая?

— Целая.

— Хорошо. В следующий раз скажите заранее.

Он вышел. Я некоторое время смотрел на дверь.

Рёбра уже почти не болели. Только когда резко тянулся через стол, тело напоминало о трёх мужиках между гаражами. Память у молодого тела оказалась лучше, чем мне хотелось.

Я хотел попросить Людмилу найти телефон Горелова.

Вместо этого открыл список работ и обвёл крышу.

*

Нечаев принёс курицу вечером.

Не курицу, а завершённую хозяйственную операцию: птицу, десяток яиц, банку сметаны и два пучка зелени. Поставил всё на край моего стола, подальше от бумаг.

— Степан Ильич, зелень-то зачем?

— К курице.

— И сметана к курице?

— Сметана к человеку. Вы худой.

Я взглянул на свои руки. Двадцатишестилетний Воронцов выглядел вполне нормально, особенно после месяца, за который Нечаев успел наладить его бесперебойное снабжение.

— Сколько?

Нечаев назвал сумму. Я полез в карман.

— Только без ваших фокусов.

— Какие фокусы? Взвесил. Посчитал.

— Яйца тоже?

— Тоже.

— А доставка?

— Я сюда всё равно шёл.

Спорить было бессмысленно. Нечаев всегда куда-нибудь всё равно шёл. Иногда ко мне домой с парным мясом, причём исключительно по счастливому совпадению.

Он взял деньги, аккуратно пересчитал и заметил:

— Гена сказал, вы у Горелова были.

— Уже всем сказал?

— Мне сказал. Я у него спросил, чего злой.

— Там мясной павильон видели?

Нечаев затянул узел на опустевшей сумке.

— Видел раньше.

— Там такой запах…

— По запаху от двери мясо не бракуют, Алексей Николаевич. Могли кости не вывезти. Могли сток забить. Могли тряпку за батарею бросить.

— А могли и мясо держать без холода.

— Могли.

Он не стал ни соглашаться со мной, ни защищать соседей. Нечаев знал товар и не любил рассуждений, в которых товар никто не видел.

— Холодильник у них давно стоит? — спросил я.

— Большая камера — давно. Маленькая, говорят, тянет. Только места там всем не хватает.

— Кто говорит?

— Люди.

— Какие люди?

Нечаев вздохнул.

— Алексей Николаевич, я вам курицу принёс. Не оперативную сводку.

Пришлось улыбнуться.

— Понял.

— Хромов больше знает. Он там с одним мясником знаком. Только не говорите, что это я вас отправил.

— Почему?

— Потому что завтра мне Хромов скажет: «Стёпа, ты курицу продал или рынок соседний?»

Он ушёл, оставив после себя пакет, банку и вопрос, на который я пока не собирался отвечать.

*

На следующий день я продержался до одиннадцати.

Рынок открыли вовремя. Ночная смена передала склад без приключений. Плотник принёс список материалов. Раиса Моисеевна вычеркнула оттуда половину, вызвала плотника обратно и спросила, не собирается ли он заодно перекрыть крышу собственного дома.

До одиннадцати всё шло своим чередом.

Потом у ворот встала машина с картошкой.

Батя показывал водителю, куда подать кузов. Водитель мотал головой, не трогаясь с места. За ним уже притормозил фургон.

Я подошёл.

— Что случилось?

— Ничего, — ответил Батя. — Человек просит назвать полную сумму до начала работы.

— Правильно просит. Почему не называешь?

Батя протянул журнал.

— Назвал.

Водитель вытер лицо рукавом.

— А потом ещё кому платить?

— Никому, если дополнительных работ не будет, — сказал я.

— За въезд?

— По установленному порядку у кассы. Вам уже объяснили?

— Объяснили. За тележку?

— Батя, тележка нужна?

— Не нужна. С борта на площадку.

— Значит, не нужна, — повторил я.

— А старшему?

Батя поднял брови.

— Какому старшему?

— Ну который после подойдёт.

Я посмотрел на машину. Грязь на колёсах подсохла, на борту мелом было написано название деревни. В кузове — мешки, сложенные неровно, но без развала. Нормальный рейс. Только водитель ждал подвоха.

— Где вы вчера разгружались?

Он назвал соседний рынок.

Батя усмехнулся, отвернулся и плюнул под колесо.

— Здесь деньги через кассу, — сказал я. — За согласованный объём. Если кто-нибудь подойдёт потом и потребует отдельно себе, спросите фамилию. И приходите в контору.

Водитель с сомнением оглядел Батю.

— Я грузчик, — объяснил тот. — Не тайное правительство. Подавай.

Машина двинулась.

Я ещё минуту наблюдал за разгрузкой. Мешок на плечо, пять шагов, мешок на настил. Второй грузчик принимал и поправлял. Батя отмечал начало работы.

Никакого чуда. Три человека занимались тем, за что им платили.

— А у них? — спросил я.

— Что у них?

— Как разгружают?

— Как договорятся.

— Бригада одна?

— Днём несколько. Ночью свои. Кто к кому приехал, тот тех и зовёт.

— Поэтому и затор.

Батя пожал плечами.

— Поэтому некоторым хорошо. Пока машина стоит, водитель сговорчивее.

Я посмотрел на него.

На нашем рынке ещё совсем недавно водитель тоже делался сговорчивее с каждой минутой ожидания. Батя отлично помнил. Теперь у него был журнал, понятный заработок и значительно меньше ругани.

— Ты там бываешь?

— Нет.

— А знаешь.

— Грузчики разговаривают.

Батя забрал у меня журнал.

— Только вы нас туда не посылайте. Здесь работа есть.

— Я ничего не предлагал.

— Пока.

Он отошёл к кузову. Я вернулся в контору.

*

После обеда пришёл Хромов.

Огромные руки лежали на коленях. Белый халат он оставил в павильоне, но от него всё равно пахло мясом и хозяйственным мылом.

— Нечаев сказал, вы меня хотите видеть.

Вот сука. Снабжение работало в обе стороны.

— Хочу. Холодильник у Горелова давно стоит?

Хромов задумался.

— Смотря который.

— Большой.

— Мне говорили, с весны. Может, раньше. Я в их машинное отделение не хожу.

— Почему не чинят?

— Вот Горелова и спросите.

— Торговцы там куда мясо девают?

— Кто в малую камеру. Кто по знакомым. Кто старается за день продать.

— А если не продал?

Хромов посмотрел на меня тяжело.

— Алексей Николаевич, вы хотите, чтобы я вам чужое мясо по слухам забраковал?

— Не хочу.

— Тогда не знаю. За своё отвечаю. За людей, которых знаю, могу сказать. За весь рынок — нет.

Он был прав. Меня это раздражало, но правота от раздражения не исчезала.

— Сколько у них мест в мясном ряду?

— Вы туда директором собираетесь?

— Григорий Савельевич.

— Что? Хороший вопрос. У нас крышу залатали?

— Ещё нет.

— Вот.

Он поднялся.

— Знаете, что там Армен хорошо делает? Если его человек товар не продал, он его одного с бедой не оставит. Найдёт, кому предложить. Машину найдёт. Переговорит. Потому они за него и держатся.

— А если человек не его?

— Это вы ему задайте.

Хромов уже взялся за ручку, когда я спросил:

— Вас наша очередь устраивает?

Он повернулся.

— Иногда нет.

— Честно.

— Я бы себе раньше всех ставил. Но тогда Крюкова себе раньше всех поставит, Нечаев себе раньше всех, и опять будем до вечера орать. Так что пусть очередь.

Дверь закрылась.

Я взял чистый лист. Написал: «Второй рынок».

Ниже: «Въезд. Разгрузка. Холод. Места».

Потом перевернул лист.

*

Людмила нашла его к вечеру.

Я вышел на пять минут к плотнику, а когда вернулся, она стояла у стола и держала бумагу двумя пальцами.

— Это что?

— Лист.

— Вижу. А это?

Она ткнула в заголовок.

— Наблюдения.

— У меня тоже есть наблюдение. Вы сегодня четыре раза спросили про чужой холодильник и ни разу — забрали ли материал для нашей крыши.

— Забрали?

— Теперь уже забрали. Юрок съездил. Без вас.

— Хорошо.

— Конечно, хорошо. А Галка Картошка час просидела в приёмной. Вы ей вчера назначили на два.

Я посмотрел на часы.

— Почему не сказала?

— Говорила. Вы ответили: «Пять минут». Потом пришёл Хромов, и вы начали выяснять, сколько у Горелова мясных мест.

Пришлось забрать лист и положить в стол.

— Галка где?

— Ушла. Сказала, вечером снова зайдёт. Ей не срочно, но она собиралась домой.

Людмила не повышала голос. Секретарь, которая орёт на начальника, создаёт ему прекрасную возможность обидеться и уйти от сути. Людмила такой возможности не дала.

— Позовите, когда придёт. Без очереди. Я задержал.

— Хорошо.

Она поправила стопку бумаг.

— Алексей Николаевич, у меня сын вечером спрашивает, почему я опять поздно. Я ему могу объяснить, что на нашем рынке неприятности. Но если скажу, что наш директор увидел неприятности на другом рынке и теперь не может успокоиться, он решит, что я сама виновата.

— В чём?

— В выборе работы.

Она ушла к себе, а я ещё раз посмотрел на закрытый ящик.

Галку принял сразу. Она принесла предложение по дополнительному завозу картошки из двух деревень. В одной нужны были мешки, в другой — машина. Сама она могла собрать товар, но хотела заранее понимать, где его поставить и кому позвонить, если в воскресенье ворота окажутся закрыты.

Мы договорились за двенадцать минут.

Она ушла довольная. Я остался с ощущением, что за эти двенадцать минут сделал больше полезного, чем за целый день расспросов о Горелове.

Ощущение было правильное.

Помогло ненадолго.

*

Раиса Моисеевна явилась на третий день, прихватив две папки и Людмилу.

Вот это было уже серьёзно.

Поодиночке они могли принести работу. Вместе обычно приносили мне неприятную правду.

— Садитесь, — предложил я.

— Мы недолго, — сказала Раиса.

Она села и раскрыла первую папку.

— Остаток средств, обязательные платежи, уже согласованные работы. Крыша. Холодильное оборудование: текущее обслуживание. Освещение у задних ворот. Замена двух неисправных весов.

— Я помню.

— Очень рада. Здесь суммы.

Она развернула лист ко мне.

Цифры были наши. Заработанные, собранные, запланированные. После ярмарки дела пошли лучше, но лучше не означало, что рынок получил бездонный карман. Неучтённые прежде поступления теперь шли через кассу, и на них тут же обнаруживалось множество вполне учтённых расходов.

— А это? — спросил я, указав на вторую папку.

— Жалобы и заявления. Чтобы вы не скучали, когда закончите с первой.

Людмила села рядом.

— Я хочу уточнить планы, — сказала она. — Мне звонить Горелову и назначать вам встречу?

Я промолчал.

Раиса сняла очки.

— Алексей Николаевич, вы можете пить с товарищем Гореловым чай. Можете ругать его холодильник. Можете даже подсказать ему телефон хорошего мастера. Но у вас нет полномочий управлять его хозяйством.

— Я и не собираюсь.

Людмила кашлянула.

— Сейчас — не собираюсь, — поправился я.

— И средств на его хозяйство у вас нет, — продолжила Раиса. — Наши деньги вы туда не понесёте. Наших людей за счёт нашего рабочего времени туда не отправите. Если сверху решат что-нибудь объединять — сначала решение, документы, условия. Потом героизм.

— Раиса Моисеевна, вы разговариваете так, будто я уже вывез к ним компрессор.

— Вы пока выясняете, где он у них стоит. Я предпочитаю успеть заранее.

Людмила прикрыла рот рукой.

Я откинулся в кресле.

В моей прежней жизни хватало таких расширений. Возьмём соседний корпус, наведём порядок, людей почти тех же хватит. Потом выяснялось, что корпус ест электричество, крышу держит на честном слове, а заведующий, которого обещали убрать, остаётся сидеть и объяснять новым работникам, что скоро всё вернётся обратно.

Я это знал. Сам в такое влезал. Сам вытаскивал, а однажды несколько месяцев просыпался с мыслью, где взять деньги на пятничные выплаты.

Теперь две женщины объясняли мне то, что я мог бы объяснить любому другому.

— Хорошо, — сказал я. — Правы.

Обе посмотрели настороженно.

— У нас своя работа. У Горелова своя. Без полномочий и решения горторга никакого расширения не будет. Людей туда не отправляем. Деньги не тратим.

— Прекрасно, — сказала Раиса. — Тогда подпишите здесь.

Она немедленно вернула разговор к делам.

Я подписал согласование материалов, проверил ведомость и попросил уточнить срок замены весов. Людмила записала три поручения.

На этом можно было закончить. Но мне почему-то потребовалось добавить:

— Не моё дело.

Раиса надела очки.

— Вот эту фразу я бы тоже хотела получить письменно.

*

Вечером я пошёл по рынку.

Без чужих вопросов. Без Горелова. Просто по своему.

Лось помогал старухе затянуть узел на мешке. Не за деньги, судя по тому, как она ругала его за слишком тугую верёвку. Штанга разговаривал с Михой у склада. Костя стоял чуть в стороне, в хорошей куртке, и слушал, поглядывая на проходивших людей.

Зарифа окликнула меня из-за прилавка:

— Алексей Николаевич, зелень возьмите!

— Уже есть.

— Нечаев?

— Нечаев.

— У него моя. Берите здесь, не мучайте человека.

Я отказался, и она махнула рукой так, будто я ничего не понимал в удобной торговле.

За молочным рядом лежали доски для ремонта. Юрок сверял их со списком. На крыше работали двое. Вода после следующего дождя, возможно, уже не побежит на прилавки. Посмотрим.

Батя сдавал журнал смены.

Покупатели шли к выходу. Торговцы пересчитывали выручку. Кто-то ругался из-за возвращённой банки, кто-то смеялся. У ворот Гена рассказывал сторожу что-то автомобильное, показывая руками ширину неизвестной детали.

Всё это требовало времени, внимания и ежедневного вмешательства. Снаружи человеку могло показаться, что я уже победил и рынок теперь будет работать сам.

Сам он мог только испортиться.

Я поймал Гену перед отъездом.

— Завтра утром забери меня как обычно.

Он посмотрел на меня с облегчением.

— Без заездов?

— Без заездов.

— Слава богу.

Дома я разобрал Нечаевы продукты, поужинал и впервые за несколько дней лёг без записной книжки.

Посреди ночи всё равно проснулся.

Не от боли. Не от шума.

Вспомнил, как у Горелова грузовик сдавал задом через поток машин. Один человек кричал водителю, другой в этот момент пытался войти в ворота с тележкой. Если бы водитель не остановился, тележку смяло бы первой. Дальше — человека.

Я перевернулся на другой бок.

Не моё дело.

Утром Гена ждал у подъезда. Я сел, положил папку на колени. До рынка оставалось минут пятнадцать.

Мы проехали первый перекрёсток.

— Ген.

— Нет.

— Ты ещё не знаешь, что я хочу сказать.

— Знаю.

— Сколько грузовиков ежедневно обслуживает рынок Горелова?

Он некоторое время молчал. Потом убавил радио.

— Я надеялся, вы хотя бы неделю выдержите.

— Мне нужна цифра. Просто цифра. Можешь узнать у знакомых водителей? Без поездок, без наших людей на чужой работе.

— Могу.

— И отдельно — сколько из них приезжает потом к нам. Не на глаз. Кто маршрут знает.

Гена посмотрел на меня и снова на дорогу.

— А вы вчера сказали, не ва

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.